

Елена Шерстюк

Силуэты страхов

Елена Шерстюк

Силуэты страхов

«Автор»

2026

Шерстюк Е.

Силуэты страхов / Е. Шерстюк — «Автор», 2026

Восьмилетняя Катя видит то, чего не замечают другие. В углах её комнаты живут тени — не просто игра света, а осязаемые силуэты, пульсирующие болью и одиночеством. Мама твердит, что «их нет», и за этой ледяной стеной отрицания скрывается собственная травма, которую она так и не смогла отпустить. Но Катя решает нарушить молчание: она даёт теням имена, выслушивает их истории и помогает им обрести покой. Постепенно девочка понимает, что за каждой тенью стоит чья-то невысказанная боль, чей-то страх или забытая любовь. Её дар становится мостом между миром живых и миром потерянных воспоминаний, а заодно — ключом к исцелению собственной семьи. Трогательная и глубокая история о том, как принять свои страхи, назвать их по имени и превратить их из чудовищ в союзников. Это роман о взрослении, о сложной любви матери и дочери, о том, что даже самая тёмная тень рассеивается, если кто-то готов её увидеть.

© Шерстюк Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Г	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Елена Шерстюк

Силуэты страхов

Глава 1.

Воздух в комнате стоял плотный и тёплый, как одеяло из ваты, которое накрывает тебя с головой и не даёт дышать. Катя лежала на кровати, раскинув руки в стороны, и смотрела в потолок, где медленно ползли отсветы уличного фонаря — жёлтые, размытые, похожие на масляные пятна на старой скатерти. Окно было открыто настежь, но ветер, набегавший с улицы, не приносил прохлады — только запах скошенной травы, сырой земли и разогретого за день асфальта. Ей казалось, что воздух можно было резать ножом, как студень, который мама иногда ставила в холодильник, и он застывал до такого состояния, что ложка в нём стояла вертикально.

Было около одиннадцати. Летний вечер только начинал окрашивать небо в густой сиреневый цвет, но в комнате уже воцарился полумрак, в котором предметы теряли свои чёткие очертания и превращались в тёмные пятна, готовые в любой момент ожить и сделать что-то страшное. Шкаф в углу казался горой, которая вот-вот обрушится и погребёт под собой всё, что окажется рядом. Стул с наброшенной на спинку кофтой походил на человека, сидящего спиной к кровати, и Катя каждый раз, когда переводила взгляд, ждала, что он повернётся и посмотрит на неё пустыми глазницами.

Она знала, что это просто игра света, просто игра уставшего воображения, но каждый раз, когда она переводила взгляд, ей казалось, что предметы чуть сместились за долю секунды, пока она не смотрела. Двинулись на миллиметр, на полмиллиметра, чтобы потом, когда она снова посмотрит, замереть и притвориться невинными.

Она была уже большая. Восемь лет. Почти девять. Она знала, что в углах не живут монстры, что под кроватью нет чудищ, а ночные звуки — это просто старый дом, который дышит и скрипит, потому что ему тоже нужно отдыхать после долгого дня. Она знала всё это. Она читала умные книги, которые мама приносила из библиотеки — там было написано про то, как работает мозг, как он дорисовывает лица там, где их нет, как он превращает тени в фигуры, а скрипы — в шаги. Она смотрела передачи, где учёные объясняли, что такое оптические иллюзии и почему нам кажется, что на нас смотрят, когда мы остаёмся одни в тёмной комнате.

Она знала всё это наизусть, могла повторить как урок, но знание не спасало от холода, который вдруг пробежал по спине, от ощущения, что на тебя смотрят. Именно это чувство Катя испытывала сейчас. Оно начиналось где-то в солнечном сплетении — лёгким, почти незаметным покалыванием, похожим на то, как если бы по коже пробежал муравей. А потом поднималось выше, к горлу, и там превращалось в тугой комок, который мешал дышать, мешал глотать, мешал позвать маму, которая сидела в соседней комнате и читала книгу, или делала вид, что читает, или просто смотрела в одну точку, как она часто делала в последнее время.

Катя лежала неподвижно, вглядываясь в полумрак. Обои с рисунком незабудок — выцветшие, кое-где отклеившиеся по углам — казались в этом свете не голубыми, а серыми, как старая простыня, которую мама стирала так много раз, что она потеряла свой цвет и стала похожа на тряпку. Она перевела взгляд в угол за шкафом. Там, где свет от уличного фонаря не мог достать, царила абсолютная, непроглядная тьма. Она была гуще, чем в остальной комнате, и Катя ненавидела этот угол. Всегда ненавидела. Даже днём, когда солнце заливало всю комнату золотистым светом, и пылинки танцевали в воздухе, как маленькие феи, в том углу оставался серый сумрак, в котором, казалось, таилось что-то недоброе. Что-то, что ждало вечера, чтобы выйти наружу и показать себя.

И сейчас это «что-то» начало шевелиться.

Сначала Катя подумала, что ей показалось. Она зажмурилась, сосчитала до пяти — раз, два, три, четыре, пять — и снова открыла глаза. Но движение не исчезло. Оно было медленным, тягучим, как патока, которую мама иногда грела на плите, чтобы полить блинчики, и она стекала с ложки медленно, нехотя, растягиваясь в длинную золотую нить. Из угла, от самого пола, начало подниматься тёмное пятно. Оно не было похоже на тень от шкафа — тени не двигаются сами по себе. Они не могут оторваться от предмета, который их отбрасывает, не могут выпрямиться и пойти вперёд. Это было чем-то другим. Оно было похоже на кляксу, которая вдруг ожила, набрала высоту и начала выпрямляться, принимая очертания чего-то смутно напоминающего человека.

Катя замерла. Сердце её пропустило удар, а потом забилося где-то в горле — часто, панически, так, что она слышала его стук в ушах. Бум-бум-бум. Как барабан, который отбивает ритм перед казнью. Она хотела закричать, но голос исчез, будто его украли. Она хотела закрыть глаза, но не могла отвести взгляда от того, что происходило в углу. Её глаза были приклеены к этому месту, как будто кто-то намазал их суперклеем, и она не могла моргнуть, не могла отвернуться, не могла сделать ничего, кроме как смотреть, как тень становится всё выше и выше.

Тень выпрямилась полностью. Она стала выше мамы — Катя видела это по тому, как её голова почти коснулась люстры. Та самая люстра, которая висела посередине комнаты и которую мама мыла раз в год, снимая с неё пыль тряпкой, намотанной на швабру. Теперь тень почти касалась её своими расплывчатыми, нечёткими очертаниями. Силуэт был расплывчатым, как дым, но в нём угадывались плечи, длинные руки, которые свисали почти до пола, и голова, склонённая набок, словно тень прислушивалась к чему-то — может быть, к Катиному сердцу, которое билось так громко, что, казалось, его слышат все соседи.

Катя видела, как она медленно раскачивается из стороны в сторону, подобно водоросли в тёмной воде, которую ветер колышет на дне реки. И в этом движении не было ничего угрожающего. Только странное, почти гипнотическое спокойствие, которое затягивало её, как водоворот, из которого невозможно выплыть.

«Этого не может быть, — пронеслось в голове у Кати. — Теней не бывает. Это просто свет, просто игра воображения, просто...» Она перебирала все объяснения, которые знала, как чётки в руке старой монахини, но ни одно из них не работало. Тень была здесь. Она была реальной. Она была настоящей, и она стояла прямо перед ней, в её комнате, в её безопасной, знакомой комнате, где она спала каждую ночь с тех пор, как родилась.

Но тень шагнула вперёд. Один шаг. Бесшумный, скользящий, как будто она плыла по воздуху, как рыба в воде, не касаясь пола. И Катя почувствовала, как в комнате стало холодно. Не просто прохладно — холодно настолько, что зубы начали выбивать мелкую дробь. Она натянула одеяло до самого носа, до самых глаз, но оно казалось тонким, как бумага, и не спасало от этого странного, пронизывающего холода, который исходил от тени. Холод проникал под одеяло, под кожу, под рёбра, до самого сердца, и Катя чувствовала, как оно сжимается от этого холода, как будто кто-то сжал его в кулаке.

— Мама, — прошептала Катя. Голос её дрожал, и слова едва слышно вылетали из пересохших губ, которые стали сухими, как песок в пустыне. — Мама, они здесь.

Она не знала, почему сказала «они». Она видела только одну тень. Только одну. Но внутри неё жила уверенность: их больше. Они просто прячутся, ждут, пока она отведёт взгляд, чтобы вылезти из своих укрытий. Она чувствовала это кожей, каждой клеточкой своего тела, которое свело от напряжения. Их было трое. Она не знала, откуда знала, но знала точно. Один большой, один маленький и один самый тёмный, самый глубокий, который прятался под кро-

вату и ждал своего часа. Она чувствовала их всех, как чувствуют приближение грозы по ломоте в костях.

Мать сидела на краю кровати, поправляя подушку. Катя смотрела на её спину — прямую, неподвижную, такую знакомую и одновременно чужую в этот момент. Мама даже не обернулась. Её руки двигались ровно, сухо, без лишней нежности, словно она перекладывала не детские вещи, а стопку бумаг на своём рабочем столе. Она не слышала Катиного страха, или не хотела его слышать. Или, может быть, она слышала его слишком хорошо, и именно поэтому она делала вид, что его нет.

— Катя, прекрати, — голос матери был плоским и гладким, как стекло, как то самое стекло в старом серванте, которое мама протирала до блеска каждую субботу. Никакой теплоты, никакого беспокойства. Обычная, привычная фраза, которую она повторяла каждый раз, когда Катя пыталась рассказать о том, что видела по ночам. — Там никого нет.

Катя знала, что мама скажет именно это. Знала каждое слово, каждую интонацию, каждый вздох между ними. Они повторялись из вечера в вечер, как заезженная пластинка, которую поставили на повтор и забыли выключить. Катя хотела бы поверить в эти слова, хотела бы закрыть глаза и раствориться в мамином голосе, который обещал безопасность, который говорил «всё хорошо, ложись спать». Но она не могла. Потому что тень продолжала стоять у кровати, и её холод проникал под одеяло, проникал под кожу, проникал в самое сердце. И это было реальнее, чем мамин голос, чем мамино отрицание, чем всё, что мама могла сказать.

— Но я вижу, — голос Кати дрогнул, и по щеке скатилась первая горячая слеза. Она была солёной и тёплой, как будто внутри Кати горел маленький огонёк, который пытался согреть её изнутри, но не мог противостоять холоду, который исходил от тени.

— Пожалуйста, посмотри, он движется...

Тень действительно двигалась. Она перестала раскачиваться и теперь медленно наклонялась вперёд, словно принимаясь к Катиному страху. Её голова — если это можно было назвать головой — склонилась к кровати, и Катя увидела, как в том месте, где должно быть лицо, пульсирует темнота, глубокая и бесконечная, как космос, в который смотрят астрономы в свои телескопы. В этой темноте не было глаз, но Катя чувствовала на себе взгляд. Тяжёлый, внимательный, изучающий. Тень знала, что её видят. И это знание делало её смелее.

Мать наконец повернулась. Катя увидела её профиль, освещённый слабым светом из окна. Серые глаза, усталые, с тёмными кругами под ними — круги были такими глубокими, что казались синяками, как будто мама не спала уже несколько месяцев. Губы сжаты в тонкую линию, которая не сулила ничего хорошего. Мама всегда так смотрела, когда Катя начинала говорить о тенях — с лёгким раздражением и усталостью, с примесью страха, который она тщательно прятала за маской равнодушия. Но сейчас её взгляд прошёл сквозь силуэт, сквозь дрожащие плечи дочери, сквозь одеяло, которое Катя сжимала побелевшими пальцами. Он остановился где-то на обоях за кроватью, на рисунке незабудок, которые давно выцвели и потеряли свой цвет.

Мама смотрела сквозь тень. Как будто её не существовало. Как будто Катя выдумывала всё это, как будто её страх был просто капризом, который можно было проигнорировать, оставить без внимания, и он сам собой исчезнет, как утренний туман после восхода.

— Там пусто, — сказала она твёрдо. В голосе её не было ни капли сомнения. Только ледяная уверенность, которая не оставляла места для вопросов. — Ты выдумываешь. Не будь глупой.

И в этом «не будь» было всё. Холодная стена, возведённая между ними. Катя чувствовала её кожей, видела в маминых глазах — там, где раньше была любовь и тепло, теперь зияла пустота, как в том самом углу за шкафом. Отрицание того, что Катя ощущала каждой клеточ-

кой. Отрицание того, что стояло прямо перед ними, в полуметре от кровати. Отрицание самой Кати, её страха, её боли, её права видеть.

Слёзы текли уже по подбородку, падая на подушку. Катя не вытирала их. Она смотрела, как мама отворачивается, как её прямая спина становится ещё более чужой, как она поправляет юбку — небрежным, привычным жестом, — и поднимается с кровати. Её шаги были твёрдыми, уверенными, такими же, как и голос. Она не обернулась, не посмотрела на дочь, не протянула руки, чтобы вытереть её слёзы. Она просто пошла к двери, и каждый её шаг отдавался в Катином сердце глухим, тяжёлым стуком. Бум. Бум. Бум. Как молот, который забивает гвозди в крышку гроба.

— Ложись спать, — бросила она через плечо, даже не повернув головы. — И перестань реветь. Слёз нет — значит, и проблемы нет.

Дверь закрылась с тихим, но окончательным щелчком. В этом звуке было больше смысла, чем во всех словах, которые могли бы быть сказаны. «Я не хочу тебя слышать. Я не хочу тебя видеть. Я не хочу знать, что ты чувствуешь».

Катя осталась одна в полумраке. Она лежала неподвижно, глядя на закрытую дверь, и чувствовала, как внутри неё что-то обрывается. Какая-то тонкая ниточка, которая связывала её с мамой, с этим домом, с этим миром, где взрослые должны защищать детей, а не оставлять их одних с темнотой.

Тени больше не прятались. Они вышли на середину комнаты, и теперь их было трое. Катя видела их ясно, отчётливо, как никогда раньше. Большая — та самая, что поднималась из угла, высокая, как дерево, и почти касающаяся потолка. Маленькая — она пряталась за шторой, но теперь выскользнула и стояла у стены, склонив голову набок, словно тоже прислушивалась к тому, что происходит. И третья — самая тёмная, самая густая, самая глубокая, которая выползла из-под кровати и теперь застыла прямо перед Катей, пульсируя, как живое сердце, как второе сердце, которое билось в такт с её собственным.

Они замерли, глядя на девочку пустыми провалами. В их неподвижности не было угрозы. Было что-то другое — странное, почти печальное. Катя смотрела на них, и в какой-то момент она перестала бояться. Не потому что тени исчезли. А потому что она вдруг поняла: они не хотят ей зла. Они просто здесь. Они всегда были здесь. Просто раньше она не хотела их видеть, потому что мама сказала, что их нет.

Катя закусила губу, чтобы не всхлипнуть. Она знала: её крика не услышат. Её страха не признают. Значит, нужно было уметь исчезать самой — так же тихо, как эти силуэты. Она зажмурилась до рези в глазах и заставила себя дышать глубже, пряча свой ужас глубоко внутрь, туда, куда мамин голос не мог его достать. Она вдыхала и выдыхала, считая до десяти, как учила мама в те редкие моменты, когда всё ещё пыталась её успокаивать. С каждым вдохом страх уходил куда-то внутрь, оседал в груди тяжёлым камнем, но переставал быть таким острым, таким невыносимым.

Она вдыхала — раз, два, три. Выдыхала — четыре, пять, шесть. Она дышала, и с каждым вдохом она становилась чуточку спокойнее. За окном роса уже ложилась на траву холодной, безмолвной пеленой, и весь мир за стеклом казался огромным, спокойным и совершенно равнодушным к маленькой девочке, которая в одиночестве училась не плакать.

Катя открыла глаза и посмотрела на тени. Они не ушли. Они стояли на своих местах и смотрели на неё — терпеливо, бесконечно терпеливо, как будто у них было в запасе всё время мира. Катя не знала, что они хотят. Но в глубине души, там, где рождались самые тайные

мысли, она догадывалась. Они хотели того же, чего хотела она. Чтобы их заметили. Чтобы их признали. Чтобы им сказали: «Я тебя вижу».

Но сегодня она не могла этого сделать. Сегодня она была слишком слаба, слишком напугана, слишком раздавлена маминым равнодушием. Она просто отвернулась к стене, глядя на выцветшие незабудки, и провалилась в тяжёлый, беспокойный сон. Ей снилась мама, которая сидела на кухне одна, в темноте, и смотрела в одну точку пустыми глазами. Рядом с мамой стояла большая тень — та самая, из угла, — и Катя вдруг поняла, что мама тоже её видит. Просто молчит. Просто притворяется, что её нет. Потому что признать тень — значит признать, что что-то пошло не так. А это было слишком страшно даже для взрослой.

Ночь тянулась бесконечно, как резиновая лента, которую кто-то медленно растягивал, пока она не стала тонкой и прозрачной. Катя проваливалась в сон и выныривала из него, как утопленница, которую волны выбрасывают на берег, а потом снова затягивают вглубь. И каждый раз, открывая глаза, она видела тени на своих местах. Они не уходили. Они ждали. И Катя знала, что они будут ждать столько, сколько потребуется. Потому что у них не было выбора. Как и у неё.

Глава 2.

Проснулась Катя оттого, что в комнате стало светло. Не от солнца — за окном по-прежнему стоял серый рассвет, и небо было затянуто тонкими облаками, похожими на вату, которую мама иногда покупала в аптеке и клала в коробку с лекарствами. Просто тени ушли. Они не исчезли совсем — Катя чувствовала их присутствие где-то на периферии, в том самом углу за шкафом, где они прятались днём, но они больше не стояли у кровати, не пульсировали, не тянули к ней свои длинные руки. Они отступили, как вода во время отлива, оставляя после себя мокрый песок — ощущение холода, который всё ещё жил в костях.

Катя села на кровати, растирая замёрзшие плечи. Она чувствовала себя разбитой, как будто всю ночь не спала, а бегала по бесконечному полю, уворачиваясь от чего-то тёмного и огромного, и каждый раз, когда она думала, что убежала, оно оказывалось прямо перед ней. В горле пересохло, и голова болела тупой, ноющей болью, которая начиналась где-то в затылке и расходилась по всему черепу, как трещины по тонкому стеклу.

Она оглядела комнату. Всё было на своих местах — шкаф, стул, стол, старый ковёр на полу с вытертым рисунком, который когда-то изображал красные цветы, а теперь был просто грязным пятном. Ничего не изменилось. И в то же время всё изменилось. Теперь Катя знала, что тени реальны. Не игры света, не галлюцинации, не плод её больного воображения. Они были настоящими, такими же настоящими, как этот стол, как эта кровать, как она сама. И это знание делало мир одновременно страшнее и понятнее. Она больше не могла сказать себе «это просто игра света» — теперь она знала правду, и эта правда была тяжелее любого сна.

За дверью послышались шаги. Катя замерла, прислушиваясь. Шаги были медленными, тяжёлыми — мамиными. Она всегда ходила именно так, когда была уставшей или когда думала о чём-то своём, далёком, куда Кате не было доступа. Эти шаги Катя узнавала среди тысячи других, как узнают голос самого близкого человека в шумной толпе. Шаги остановились у двери, и Катя почувствовала, как внутри всё сжимается — старой привычкой, выученной за долгие недели и месяцы, когда каждое утро начиналось с одного и того же.

Сейчас мама войдёт. Посмотрит на неё тем своим пустым взглядом, который проходил сквозь, не замечая ни страха, ни слёз, ни тёмных кругов под глазами. Скажет: «Почему ты не спишь? Опять придумываешь?» — и отвернётся, даже не дождавшись ответа, потому что ответ ей не нужен. Ей нужна тишина. Ей нужна девочка, которая не задаёт вопросов, не видит теней, не плачет по ночам.

Дверь медленно открылась. Катя втянула голову в плечи, готовясь к привычному холоду, который исходил от мамы по утрам. Но вместо холодного взгляда она увидела усталые глаза, которые смотрели на неё как-то иначе.

Мама стояла на пороге в своём домашнем халате — старом, выцветшем, с оторванной пуговицей, который она носила уже несколько лет, и в котором она казалась ещё более уставшей, ещё более измождённой. Волосы её были растрёпаны, как будто она тоже не спала всю ночь, хотя и лежала с закрытыми глазами. Она выглядела старше, чем была на самом деле — глубокая складка между бровей, тени под глазами, опущенные уголки губ. И в этом лице, таком привычном и одновременно чужом, Катя вдруг заметила что-то новое. Не раздражение. Не усталость. Что-то похожее на неуверенность, почти робость.

— Ты не спала? — спросила мама глухо. Голос её звучал сипло, как будто она только что проснулась, но Катя знала — мама не спала. Она лежала в своей комнате, в той же напряжённой позе, что и всегда, и смотрела в потолок, где медленно ползли отсветы уличных фонарей. Катя слышала, как мама ворочалась до самого утра, как скрипела кровать под её весом, как мама иногда тихо вздыхала, думая, что никто не слышит. Катя всё слышала. Она научилась слышать тишину лучше, чем звуки.

— Я спала, — ответила Катя, опуская глаза. Она не хотела врать, но привычка прятаться была сильнее правды. Она знала: если она скажет, что видела тени, мама снова запрет дверь, снова скажет «прекрати», снова уйдёт, оставляя её одну с той темнотой, которую никто не хотел признавать. Она знала этот сценарий наизусть, как пьесу, которую разыгрывали снова и снова, и каждый раз финал был один и тот же — она оставалась одна.

Мама помолчала. Она стояла на пороге, и в утреннем свете, пробивавшемся сквозь тонкие занавески, её лицо казалось ещё более измождённым. Пальцы её безвольно висели вдоль тела, и Катя вдруг заметила, что они слегка дрожат. Это было так необычно, что Катя на мгновение забыла о своём страхе. Мамины руки никогда не дрожали. Они были всегда твёрдыми, уверенными, быстрыми. Они резали хлеб, застёгивали пуговицы, поправляли подушки, и в каждом движении была точность, доведённая до автоматизма. А сейчас они дрожали, как листья на ветру, и Катя не знала, что это значит.

— Катя, — сказала мама, и голос её впервые за долгое время дрогнул. Она переступила с ноги на ногу, как будто не решалась войти в комнату, как будто боялась того, что может там увидеть. Катя смотрела на неё и не узнавала эту женщину. Где же та ледяная стена, которая стояла между ними все эти месяцы? Где тот плоский, как стекло, голос, который говорил: «Их нет»? Где та уверенность, которая не оставляла места для сомнений?

— Ты... — мама замолчала, словно подбирая слова, как будто они были камнями, которые нужно аккуратно сложить в стену, чтобы она не рухнула. Она посмотрела на угол за шкафом — туда, где ночью стояла большая тень, — и Катя увидела, как мамины глаза расширились на мгновение, будто она что-то заметила. Но тут же она отвела взгляд, снова глядя на дочь. — Ты правда их видишь? — спросила она, и голос её прозвучал так тихо, что Катя едва расслышала слова. В этом голосе не было раздражения. Не было привычного «не будь глупой». Был только тихий, почти испуганный вопрос, который мама задавала не Кате, а самой себе.

Катя подняла глаза. В мамином взгляде мелькнуло что-то новое — что-то, чего раньше никогда не было. Не страх, не отрицание. Сомнение. И в этом сомнении Катя вдруг увидела возможность. Возможность, которую она не смела даже надеяться. Возможность быть услышанной.

— Да, — прошептала Катя. Она хотела сказать что-то ещё, но слова застряли в горле. Она смотрела на маму, и внутри неё поднималось что-то огромное, тёплое и болезненное одновременно. Она хотела верить, что мама наконец услышит её, но привычка бояться была слишком сильной, слишком старой, слишком глубокой, чтобы исчезнуть в одно мгновение.

Мама перевела взгляд на угол. Катя проследила за ней. Там, у стены, замерли бледные пятна — тени, которые прятались от дневного света. Они почти растворились в утреннем полумраке, но Катя знала, что они всё ещё там. Она чувствовала их присутствие, их внимательные, терпеливые взгляды. Они тоже смотрели на маму, ожидая того же, чего ожидала Катя. Они тоже ждали, чтобы их увидели.

Мама прищурилась, вглядываясь в полумрак. Катя видела, как она борется сама с собой — хочет увидеть, но боится. Так ребёнок боится заглянуть под кровать, зная, что там ничего нет, но не в силах побороть дрожь в коленях. Мама смотрела в тот самый угол, и её лицо менялось — оно становилось то напряжённым, то расслабленным, как будто она пыталась разглядеть что-то в тумане. Её пальцы сжались в кулаки, а потом разжались. Она дышала прерывисто, и Катя слышала, как воздух со свистом выходит из её лёгких.

— Я их не вижу, — выдохнула мама наконец, и в голосе её звучало странное облегчение. Она опустила плечи, как будто сбросила тяжёлый груз, который носила на плечах долгие годы. Взгляд её снова стал пустым, но не холодным — просто усталым. Она перевела глаза на Катю, и в них было что-то тёплое, почти нежное, что Катя не видела уже очень давно.

Но тут же мама добавила, будто через силу, с трудом выталкивая слова из себя, как будто они были острыми, и каждое слово царапало горло:

— Но... я знаю, что ты не врёшь.

Катя не поверила своим ушам. Она замерла, глядя на маму широко открытыми глазами. Сердце её забилося где-то в горле, часто и громко, так, что она слышала его стук в ушах. Бум-бум-бум. Но теперь это был не страх. Это была надежда. Эти слова — «я знаю, что ты не врёшь» — они значили больше, чем любые обьятия, чем любые поцелуи, чем всё, что мама могла сказать ей за последние месяцы. Это было признание. Первое признание, которое Катя услышала от матери за всю свою короткую жизнь. В этих словах было всё — и вера, и надежда, и та самая тонкая ниточка, которая всё это время связывала их, несмотря на ледяную стену, которую мама возвела между ними.

Катя хотела заплакать — от радости, от облегчения, от той бесконечной усталости, что накопилась за долгие ночи одиночества и страха. Слёзы подступили к глазам, но они не потекли. Вместо них внутри разлилось что-то другое — тёплое и щемящее, от чего стало трудно дышать. Катя не знала, что это чувство — надежда или любовь, которую она почти забыла. Она просто сидела на кровати, глядя на маму, и чувствовала, как внутри неё медленно тает лёд, который копился годами.

— Они просто хотят, чтобы их кто-то заметил, — прошептала Катя, глядя на маму. Она не знала, откуда взялись эти слова, но они были правдой. Она чувствовала это каждой клеточкой, каждой частичкой своего маленького, измученного тела. — Как я.

Мама вздрогнула, как от удара. Её лицо исказилось, и Катя увидела, как дрогнули уголки её губ, как на мгновение блеснули глаза — влагой, которую мама тут же спрятала. Она быстро отвернулась, выпрямилась, привычно надевая на себя маску равнодушия — ту самую, которую носила так долго, что она уже приросла к лицу, стала второй кожей. Но Катя видела: маска треснула. Сквозь неё пробивался свет, который мама так старательно гасила все эти годы.

— Иди завтракать, — сказала мама сухо, но в этой сухости уже не было прежнего льда. Её голос дрогнул на последнем слове, и Катя услышала в нём что-то новое. Что-то, что она не могла назвать, но что грело лучше, чем горячий чай. — Я сварю кашу.

Мама вышла из комнаты, не обернувшись. Но Катя не обиделась. В этот раз шаги мамы были другими — не такими тяжёлыми, не такими усталыми. В них слышалась лёгкость, которой не было уже очень давно. Катя сидела неподвижно, глядя на закрывшуюся дверь, и чувствовала, как внутри неё что-то меняется. Страх никуда не ушёл. Он всё ещё жил где-то глубоко, в самом центре её груди, но теперь он не был таким острым, таким всепоглощающим.

Она перевела взгляд на угол. Тени замерли там, прильнув к стене, и Катя видела, как они слегка пульсируют, словно дышат. Они были бледными, почти прозрачными в дневном свете, но она знала, что они здесь. Они всегда здесь. И они ждали. В их молчаливом движении Катя прочла вопрос: «Что теперь?»

Катя улыбнулась. Она не знала, что будет дальше. Не знала, уйдут ли тени, или останутся навсегда. Не знала, сможет ли мама привыкнуть к их присутствию, или снова закроется, снова построит стену. Но она знала одно: сегодня утром случилось чудо. Маленькое, почти незаметное чудо, которое изменило всё. Мама сказала: «Я знаю, что ты не врёшь». И это было больше, чем все слова, которые Катя слышала за последние месяцы.

Она встала с кровати и подошла к углу. Тени вздрогнули, но не отступили. Катя протянула руку и коснулась самой большой из них — той, что стояла у шкафа. Холод пробежал по пальцам, но Катя не отдёрнула руку. Она чувствовала, как тень отвечает на её прикосновение — лёгким, почти невесомым движением, похожим на вздох. Это было похоже на то, как если бы она коснулась поверхности воды, и по ней пошли круги, которые расходились всё дальше и дальше.

— Я не знаю, как вас зовут, — прошептала Катя. — Но я хочу знать. Я придумаю вам имена. Обязательно придумаю.

Тени дрогнули, и в их движении Катя почувствовала странную благодарность. Они не могли говорить, но они могли чувствовать. И сейчас они чувствовали то же, что и она — надежду. Катя отошла от угла и направилась к двери. На кухне уже загремела посуда — мама готовила завтрак. Запах каши смешивался с запахом кофе, и Катя вдруг осознала, что она голодна. Не только телом, но и душой. Она была голодна по теплу, по вниманию, по той простой вещи, которая называется «быть рядом».

Она вышла из комнаты и пошла на кухню, оставляя тени позади. Но она знала: они не исчезнут. Они будут ждать её возвращения. Потому что теперь у них было то, чего не было раньше. Имя, которое она придумает. И место, где их готовы принять.

За окном вставало солнце, разгоняя утренний туман. Роса на траве искрилась, и птицы пели так громко, словно хотели разбудить весь мир. Мир, который наконец перестал быть чужим для маленькой девочки, нашедшей способ быть услышанной — даже если её голос был тише шёпота.

Катя села за стол и посмотрела на маму, которая стояла у плиты, помешивая кашу в маленькой кастрюльке. Пар поднимался к потолку, оседал на окнах, и мир за стеклом казался размытым, словно акварельный рисунок, который кто-то нечаянно залил водой.

Мама молчала. Но сегодня её молчание было другим — не ледяным, не отталкивающим. Оно было похоже на паузу, в которой кто-то собирается с мыслями, чтобы сказать что-то важное. Катя чувствовала это каждой клеточкой. Она ждала.

Тарелка с кашей стояла перед ней, остывая. Катя не хотела есть — не потому что не была голодна, а потому что внутри всё ещё гудел тот странный разговор у двери. Слова мамы повисли в воздухе: «Я знаю, что ты не врёшь». Эти слова грели лучше, чем горячий чай.

— Катя, — мама наконец села напротив, и в её руках была кружка с кофе, которую она сжимала так сильно, что побелели костяшки. — Расскажи мне. Про них.

Катя подняла глаза. Мама смотрела прямо на неё — впервые за очень долгое время не сквозь, не мимо, а именно в глаза. И Катя увидела в них то, чего раньше никогда не замечала. Усталость. Да, она была. Но под ней — что-то живое, что-то, что боялось выглянуть наружу. Что-то, что ждало, пока его позовут.

— Они приходят, когда темнеет, — начала Катя тихо. — Сначала я их боялась. Они были такими большими, чёрными, и я думала, что они хотят меня забрать. Но потом... я поняла, что они просто хотят быть рядом. Они не злые. Они просто... есть. И им нужно, чтобы кто-то это признал.

Мама медленно кивнула, не отрывая взгляда. Её пальцы на кружке слегка дрожали, но она старалась не показывать страха.

— Как они выглядят? — спросила она почти шёпотом.

Катя задумалась. Она никогда не пыталась описать их словами. Тени были неуловимыми, как дым, как отражения в мутной воде. Они менялись каждую секунду, перетекая из одной формы в другую, и Катя никогда не могла удержать их в памяти — только ощущения, которые они оставляли после себя.

— Они разные, — сказала она наконец. — Один — самый высокий. Он почти достаёт до потолка, и он всё время стоит в углу, у шкафа. Он медленный, спокойный. Другой — маленький, он прячется за шторой, и его почти не видно, если не знать, куда смотреть. Он быстрый, он часто двигается, когда я не смотрю. А третий... — Катя запнулась. Она посмотрела на маму, и в её глазах мелькнула тень той же боли, которую она чувствовала каждую ночь. — Третий — самый тёмный. Он появляется только когда я очень боюсь или когда мне очень грустно. Он приходит и просто стоит рядом с кроватью. Он не трогает меня. Просто... стоит. Ждёт.

Мама поставила кружку на стол. Руки её дрожали, и она быстро спрятала их под стол, но Катя заметила.

— И что они делают? — голос мамы стал совсем тихим, почти шёпотом.

— Ничего, — пожала плечами Катя. — Они просто смотрят. Иногда они двигаются, но только когда я на них не смотрю. А когда я поворачиваюсь, они замирают, будто хотят, чтобы я их не видела. Они стесняются. Мама вздрогнула, услышав это слово. Стесняются. Она опустила голову, и Катя увидела, как её плечи дрогнули. На мгновение Кате показалось, что мама заплачет, но она сдержалась, сделала глубокий вдох и снова подняла глаза. В них блестела влага, и Катя поняла — мама борется с собой, пытается сохранить ту самую маску, которую носила так долго. Но маска трескалась на глазах.

— Катя, — мама подняла глаза, и в них блестела влага. — Я... Я боялась. Всё это время я боялась.

Катя замерла. Она никогда не видела маму такой. Растерянной. Почти испуганной. Она была похожа на маленькую девочку, которая потерялась в большом магазине и не знает, куда идти.

— Я думала, что если я не буду их видеть, если я скажу, что их нет, то они исчезнут. Что ты перестанешь их видеть, — мама сглотнула, и голос её сорвался. — Я думала, что так будет лучше. Что я защищаю тебя. Но я просто... я просто не знала, что делать. Я не знала, как быть мамой, когда ты видишь то, чего я боялась увидеть.

Катя молчала. В груди что-то сжималось и разжималось, и она не могла понять — это боль? Или облегчение?

— Я видела их, — выдохнула мама, и это слово упало на стол, как тяжёлый камень. — Когда я была маленькой. Такие же тени. Такие же силуэты. И моя мама — твоя бабушка — говорила мне то же самое, что я говорила тебе. «Их нет. Не выдумывай. Прекрати плакать».

Катя широко раскрыла глаза. Она никогда не слышала этого раньше. Никто никогда не рассказывал ей о бабушке, о её детстве, о том, что мама тоже видела тени.

— И я поверила. Я научилась не видеть. Я закрылась так сильно, что перестала чувствовать вообще всё. И когда ты родилась... я хотела, чтобы ты была другой. Сильной. Чтобы тебя не мучили эти страхи. — Мама замолчала, и по её щеке скатилась первая слеза. Она упала на стол, оставив мокрый след, и Катя смотрела на этот след, не в силах отвести взгляд. — Я не хотела тебя обидеть. Я просто... не умела по-другому.

Катя смотрела на мамину слезу и чувствовала, как внутри поднимается что-то огромное. Это была не злость. Не обида. Это было понимание. Горькое, тягучее понимание, от которого хотелось плакать, но вместе с тем — обнимать, прижимать к себе и никогда не отпускать. Она поняла, что мама не была жестокой. Она была напуганной. Так же напуганной, как и сама Катя. Просто она скрывала свой страх за стеной молчания, за ледяными словами, за пустыми взглядами.

Катя встала из-за стола, обошла его и, не говоря ни слова, обняла маму. Мама сначала замерла — её тело стало жёстким, как деревянная доска. Она не привыкла к объятиям, к теплу, которое исходило от маленькой дочери. Но потом, медленно, словно преодолевая невидимую стену, она обняла Катю в ответ. Она прижала её к себе так крепко, как будто боялась потерять, и Катя почувствовала, как мамины плечи трясутся от беззвучных рыданий.

— Прости меня, — прошептала мама в Катины волосы. — Прости меня, доченька.

Катя молчала. Она просто стояла, чувствуя мамин запах — запах кофе, старого халата и чего-то родного, забытого, что она почти перестала помнить. Она чувствовала, как мамино сердце бьётся где-то рядом, как дрожат её руки, и в этом моменте не было места страхам. Только любовь. Такая же тёмная, такая же сложная, как те силуэты в углу. Но теперь Катя знала: любовь можно назвать по имени. И она назовёт её. Когда будет готова.

За окном вставало солнце, и лучи его пробивались сквозь занавески, освещая кухню тёплым, золотистым светом. Тени в углу за шкафом почти растворились, став совсем незаметными в этом сиянии. Но Катя знала: они здесь. Они всегда здесь. И теперь у них есть не только имена, но и признание.

Она отстранилась от мамы и посмотрела на неё — на её заплаканные глаза, на мокрые щёки, на дрожащие губы. И улыбнулась.

— Мам, — сказала она тихо, — а хочешь, я тебя с ними познакомлю?

Мама замерла. В её глазах мелькнул страх, но тут же его сменило что-то другое — любопытство, почти детское, которое она прятала так долго, что почти забыла о его существовании.

— Они... они не обидят? — спросила мама почти шёпотом.

Катя покачала головой.

— Они не умеют обижать. Они просто хотят, чтобы их кто-то заметил.

Мама глубоко вздохнула, и в этом вздохе было столько мужества, сколько Катя никогда не видела раньше. Она кивнула, сжимая пальцы в кулаки.

— Хорошо, — сказала она. — Познакомь нас.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.